

Линг Ло обернулась и увидела вошедшего:

— О? Третий молодой господин?

Неизвестно, когда именно Нэ Чжа вышел из главного зала. На его волосах осели крупинцы снега, а алый воротник в месте, куда попала растаявшая вода, слегка потемнел. Он бросил взгляд вниз, следуя за траекторией ее недавнего взгляда, а затем перевел глаза на нее.

Линг Ло не стала ходить вокруг да около, повернулась и просто честно указала пальцем вниз:

— Там кто-то был.

Снег все еще падал, каменные плиты у ворот обители были совершенно пусты, и, кроме затянувшей все вокруг изморози, не осталось ни малейшего следа человека.

— ...Только что он еще стоял там, — в ее голосе прозвучало легкое недоумение.

Юный господин ничего не ответил, пару мгновений всматриваясь в пустую площадку.

Линг Ло подумала, что он ей не верит, и уже собиралась что-то добавить, как увидела, что он сложил пальцы в заклинание. Сгусток золотого света упал на пустую землю в самом конце каменных ступеней, сделал круг, несколько раз вспыхнул на месте и рассеялся.

— Никакой ауры демонов, — Нэ Чжа убрал руку в рукав, его голос звучал ровно.

— Тот человек, — Линг Ло коснулась пальцем губ, немного подумала и принялась описывать: — Серебряные волосы, белые одежды, с виду похож на даоса.

Бровь Нэ Чжа чуть дрогнула:

— Белые волосы, белые одежды, даос — мой учитель?

Линг Ло: «?..»

Она мысленно припомнила облик Тай-и Чжэньжэня, источавший бессмертную благодать.

— Нет-нет, — Линг Ло принялась отчаянно мотать головой. — У того человека волосы серебряные, а не белые. К тому же он выглядит молодыми, лицом...

Она замолчала, пытаясь вызвать в памяти тот профиль в пелене снега:

— ...Лицом очень красив.

Взгляд Нэ Чжа переместился с пустых горных ворот на ее лицо.

— Красив?

— Ну... красив же, — Линг Ло считала это слово вполне уместным, но его повторение отчего-то заставило ее почувствовать себя неуверенно.

— Хм, — в голосе Нэ Чжа сквозило бесконечное издевательство. — Не можешь отличить человека от демона, зато разглядела, что он красив.

— Я смотрела на снег, — не моргнув глазом ответила она. — Тот человек просто случайно стоял в снегу, ну я заодно и заметила.

Нэ Чжа фыркнул и еще раз обвел взглядом пространство у горных ворот. Изморозь на пустой площадке была толще, чем в других местах, и отливала синевато-серым светом, но кроме этого там ничего не было. Он отвел взгляд и зашагал вниз по ступеням.

— Пошли, сначала вернемся в поместье.

Линг Ло последовала за Нэ Чжа с горы.

Когда они вернулись в поместье Ли, небо уже почти совсем потемнело. Привратник старый Чжао как раз подливал масло в фонарь и, заметив шагающих друг за другом через порог, ошеломленно поклонился:

— Третий молодой господин, госпожа Линг Ло, вы вернулись. Глава семьи и госпожа...

— Внутри, — не сбавляя шага, бросил Нэ Чжа и направился через передний двор к себе.

Линг Ло отстала на пару шагов и уже собиралась свернуть на развилке к своей комнате, как сзади раздались торопливые шаги.

— Линг Ло!

Цуй-эр несла в руках пустой поднос и, увидев ее, сразу подбежала:

— Наконец-то ты вернулась! Погляди-ка на этот снег, неужели храм на горе Цуйпин действительно такой чудотворный?!

Линг Ло вспомнила толпы паломников в главном зале и глиняно-золотой идол, в котором она даже толком не разглядела, какому именно божеству он принадлежит, поэтому ответила не сразу.

В эту эпоху великая катастрофа дарования божеств еще официально не началась, учение

Запада еще не возвысилось, и простые люди в смертном мире, должно быть, даже не слышали о понятии «Будда». И тем не менее благовония там горели ярко, в главном и боковых залах было выставлено несколько божественных изваяний, и простолюдины кланялись любому образу, не заботясь о том, какому именно небожителю воздают почести.

Кому же на самом деле поклонялись в храме? Храм Милосердия — откуда взялось это название?

— Да так себе, — сбивчиво ответила она. — Поклоняющихся много, а помогает ли он — я понятия не имею.

— Смотри! Я кое-что тебе принесла, — Линг Ло покрутила на кончиках пальцев гроздь дикого винограда и протянула Цуй-эр.

Пока она несла его в рукаве всю дорогу, иней давно растаял, а на темно-фиолетовой кожице ягодок выступили капельки воды — они выглядели даже еще более сочными и свежими, чем в момент сбора.

Цуй-эр взяла ягоды, повертела их так и эдак, и ее глаза засияли:

— Из этого можно покрасить платок?

— Можно, если размять и проварить, появится цвет. Получится бледно-лиловый, а если хочешь потемнее — повари подольше.

Цуй-эр принялась наперебой сыпать фразами вроде «Линг Ло, какая же ты добрая», и они, переругиваясь и смеясь, вошли в дом.

Тот первый снег шел всего три дня.

В первый день хлопья падали густо и размашисто, и все жители Чэньтангуаня надеялись, что земля пропитается влагой до конца. Но на второй день снег превратился в мелкую крошку, с сухим шорохом стучащую по черепице. На третий же день остались лишь редкие снежинки, и едва на земле образовался тонкий белый налет, как с выходом солнца он полностью растаял, не оставив даже следов сырости.

Для Чэньтангуаня, страдающего от череды засух, это было лишь каплей в море.

Линг Ло немного постояла под карнизом, наблюдая, как последние крупницы снега на ветках дерева в саду превращаются в воду, падают в потрескавшуюся от суши землю и исчезают в мгновение ока. Она запахнула воротник, мысленно снова вернувшись к тому седовласому даосу, оставила эту мысль про себя и повернулась, чтобы вернуться в комнату.

Первый снег выдался странным, но он действительно принес в Чэньтангуаня настоящую зиму.

С наступлением одиннадцатого месяца погода с каждым днем становилась все суше и холоднее.

В поместье Ли принялись готовиться к зиме. Управляющий вместе со слугами заново оклеил окна во всех дворах бумагой, а плетеные корзины для угля в галереях наполнили до отказа.

Госпожа Инь была занята хлопотами по заготовке зимней одежды. Посчитав прошлогодние ватники недостаточно теплыми, она лично следила за тем, чтобы портной снял новые мерки. Одежда для слуг шилась из грубой ткани, в то время как для членов семьи использовали хранящийся в кладовых шелк-сырец, однако набивали ее точно таким же свежим хлопком.

Линг Ло тоже позвали на примерку.

Госпожа Инь сидела на теплой кушетке в малой гостиной, листая реестр, и, заметив входящую Линг Ло, окинула ее взглядом с головы до ног.

— Подросла.

Госпожа Инь улыбнулась и подозвала портного:

— Ей тоже сшей два новых наряда. Эта девочка как раз растет, в прошлогодние мерки она наверняка уже не влезет.

Линг Ло поспешно выразила благодарность. Госпожа Инь махнула рукой и перевернула страницу реестра.

— Теперь ты человек, выполняющий важные поручения рядом с Нэ Чжа, оденешься слишком легко — и со стороны покажется, будто я, хозяйка дома, притесняю прислугу, — она подняла глаза на Линг Ло. — Какой цвет выберешь?

Линг Ло немного подумала:

— Желтый нарцисс, водяно-голубой или светло-зеленый — любой подойдет.

Госпожа Инь кивнула, с материнской лаской погладила ее по голове и велела портному всё записать.

За это время успехи Линг Ло в искусстве фур также стали весьма заметными. Она уже одолела чуть меньше половины книги «Таинственные письма пренебесных облаков Тайгу», и помимо самых первых талисманов перемещения освоила еще с десятков полезных фур. Теперь рисовать талисманы у нее получалось все легче и естественнее.

Так дни шли своим чередом. Каждый день — ношение воды и подача еды, рисование талисманов и совершенствование, изредка поручения, на которые ее отправлял Нэ Чжа, и

время от времени пустые разговоры с Цуй-эр в укромном уголке.

Зимние дни становились все короче.

В тот день Линг Ло спрятала маленькую грелку для рук в рукав и по обыкновению отправилась дежурить во двор третьего молодого господина.

В комнате Нэ Чжа вовсю горел древесный уголь. Он необычно для себя сидел за письменным столом, небрежно перелистывая бамбуковые свитки — судя по всему, трактат по какой-то технике культивации.

Перед ним стояла пиала с имбирным отваром, от которой уже не шел пар. Линг Ло подошла, протянула руку и потрогала ее — стенки пиалы были ледяными.

— Третий молодой господин, имбирный отвар остыл, — она спрятала грелку ему за пазуху и постучала по пиале.

— М-м, — Нэ Чжа перевернул страницу, даже не подняв век.

Линг Ло молча забрала пиалу и отправилась на кухню переделать отвар свежим и горячим. Когда она вернулась, Нэ Чжа уже отложил бамбуковый свиток и, склонив голову, наблюдал за ней со стула.

— Куда ты ходила? — небрежно бросил Нэ Чжа, однако тон его прозвучал прохладно.

Она вот так просто молча ушла? И во что он превратил его, молодого господина, — в пустое место?

Линг Ло держала пиалу в руках и, склонив голову набок, с недоумением произнесла:

— Я увидела, что имбирный отвар остыл, и решила подогреть. Что-то не так?

— Поставь туда, — он капризно кивнул на низкий столик.

Линг Ло опустила пиалу на место и подбросила в жаровню еще несколько кусочков угля. Язычки пламени лизнули свежий уголь, издав тихий потрескивающий звук, и полусвет-полутень упали на половину ее лица.

Нэ Чжа взял имбирный отвар, сделал глоток и поморщился — судя по всему, счел его слишком острым. Тем не менее он зажал нос и допил всё до конца, швырнув пустую пиалу обратно на столик.

Все лицо юного господина перекошилось от отвращения, которое он даже не пытался скрыть:

— Гадость какая, больше не вели кухне это приносить.

— Поняла-поняла, — бормоча себе под нос, она машинально зафиксировала это в памяти.

В его комнате было тепло, и Линг Ло, чуть приподняв юбки, уселась прямо на пол, подперла щеку рукой и, склонившись над письменным столом, принялась смотреть, как он листает книги.

<http://bllate.org/book/21188/2145367>